

Создавая образ мученика

Рецензия на: Moskalenko, S. & McCauley, C. (2019) *The Marvel of Martyrdom. The Power of Self-Sacrifice in a Selfish World*. New York: Oxford University Press. — 256 pp.

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-1-323-328>

Самые разные авторы пытались и пытаются интерпретировать и понять феномен мученичества как таковой¹, поэтому книгу «Чудо мученичества. Сила самопожертвования в эгоистичном мире» нельзя назвать уникальной в своем роде. Однако она представляет значительный интерес в том смысле, что подход ее авторов к данному вопросу довольно необычен. Рассмотрим его подробнее.

Книга разделена на 5 разделов и 17 глав. Главы, посвященные конкретным кейсам мученичества (Иисус Христос, индийский политик Махатма Ганди, советский физик Андрей Сахаров, украинская «Небесная сотня» и др.), перемежаются главами, в которых авторы книги — профессиональные психологи — подробно рассматривают вопрос, каким же образом человеческая

психика в принципе способствует тому, чтобы для человека стало понятным и объяснимым само явление мученичества и возможным мученический подвиг: ведь для младенцев и совсем маленьких детей альтруизм совершенно несвойственен, и склонность к подобного рода поведению возникает только по мере взросления и формирования личности ребенка. В главах, посвященных психологии мученичества, авторы описывают разнообразные эксперименты, проводимые учеными с целью выяснить природу альтруизма, объяснить поведение людей в каких-то экстремальных для их психики ситуациях и т.д. Хотелось бы отметить, что хотя авторы с большим старанием подошли к написанию таких «психологических» глав, все же примеров экспериментов в них описывается не столь много, чтобы можно было в полной мере ответить на вопрос о том, как для психики человека становится возможным и приемлемым само явление мученичества, и, таким образом, попытка авторов раскрыть психологию мученичества остается лишь попыткой.

1. Castelli, E.A. (2004) *Martyrdom and Memory: Early Christian Culture Making*. New-York; Chichester: Columbia University Press; Ferrero, M. (2013) "The Cult of Martyrs", *Journal of Conflict Resolution* 57(5): 881–904; Middleton, P. (2014) "What is Martyrdom?", *Mortality: Promoting Interdisciplinary Study of Death and Dying* 19(2): 117–133.

По мнению рецензента, куда более удачными получились главы, посвященные конкретным кейсам мученичества, причем, что интересно, практически все они относятся к XIX и XX векам. Исключение составляет лишь кейс мученичества Иисуса Христа, но авторы рассматривают его как достойный упоминания и особого изучения случай по той причине, что, согласно их мнению, это в принципе первый случай мученичества в мировой истории и культуре, создавший основу для возникновения и формирования феномена мученичества как такового — «впервые в истории Иисус предложил модель мученичества» (р. 28). Авторы прямо утверждают — и их позиция в данном вопросе скорее заставляет согласиться с ними, нежели нет — что какие-то явления из истории Древнего мира и античности, которые иногда позиционируются как примеры мученичества (подвиг греков в битве против персов при Фермопилах, добровольное принятие яда философом Сократом и т.д.), по ряду причин нельзя рассматривать как таковые (р. 27–28).

Практически сразу же после рассмотрения кейса мученичества Иисуса Христа авторы в главе 5 обращаются ко всемирно известным художественным произведениям «Гарри Поттер», «Властелин колец» и «Матрица», объясняя их всемирный успех

в том числе и тем, что во всех этих трех произведениях один из героев является мучеником. В этой же главе авторы выделяют семь условий, желательных для возникновения идеального кейса мученичества (р. 66–73): сложная ситуация в той стране/исторической эпохе/географической местности и т.д., в которой появляется мученик (авторы назвали это явлением «сгущающихся туч»); будущий мученик должен быть обычным человеком, не обладающим какими-то выдающимися способностями и не выделяющимся из массы прочих людей; наличие у будущего мученика мудрого наставника; пророчество, указывающее на появление мученика; друг, который до конца поддерживает мученика и его решения; добровольность мученического выбора; долгий путь будущего мученика, представляющий его духовное и нравственное возрастание и подготовку к грядущему акту мученичества. Авторы детально рассматривают, как в случае и с мученической жертвой Иисуса Христа, и с героями «Гарри Поттера», «Властелина колец» и «Матрицы» для реализации идеального кейса мученичества соблюдаются все вышеназванные семь условий.

Авторы также приводят интересное объяснение трех феноменов «мученичество — жертвоприношение — подвиг героя», позволяя выделить каждый из них как

отдельное явление согласно четким заданным критериям. В случае с подвигом героя его мученическая жертва сопровождается насилием, которое этот же герой и осуществляет; в случае с жертвоприношением мученичество жертвы может не быть (и обычно не является) ее добровольным выбором; в то время как для случая «чистого» мученичества важно отсутствие насилия и добровольность, осознанность действия мученика (р. 12). На взгляд рецензента, эти три определения небесспорны, хотя несомненно и представляют интерес.

В главах 7–9 авторы рассматривают разные относительно современные (не ранее XX века) кейсы мученичества: удачный и имеющий успех среди масс людей случай мученичества, неуспешный случай мученичества и два примера псевдомученичества. Как успешный кейс представлен пример жизни и деятельности индийца Махатмы Ганди, как неуспешный — советского физика Андрея Сахарова. Авторы указывают на то, что в случае с Сахаровым не были соблюдены пять из семи условий (р. 91–92, 198), необходимых для идеального кейса мученичества. В качестве примеров псевдомученичества (при этом поддержанного определенными социальными группами именно как случаи мученичества) в главе 9 описаны кейсы иконы нацистской про-

паганды Хорста Весселя и гватемальского адвоката Родриго Розенберга.

Из всех глав, рассматривающих конкретные кейсы мученичества, четко вырисовывается следующая позиция авторов: феномен мученичества не может существовать без воспринимающих его людей (р. 102). Именно благодаря позиции и реакциям других людей мученик становится или же не становится мучеником: «сила мученичества зависит от аудитории. Люди, которые становятся свидетелями мученичества или узнают о нем, определяют, будет ли история мученика жить или умрет, повлияет ли она на социальные изменения или не вызовет никаких последствий» (р. 19).

Одним из наименее удачных, на взгляд рецензента, является раздел, посвященный феномену мучеников-террористов — авторы совершенно недвусмысленно указывают на то, что таковые не подпадают под определение мучеников, называя их «волками в овечьей шкуре» (р. 118) и подчеркивая, что «смертники отличаются от мучеников применением неприемлемой для мученика агрессии» (р. 13). В качестве примеров террористов, получивших известность как мученики, авторы прежде всего ссылаются на мусульманских террористов последних десятилетий и на террористов-народовольцев Россий-

ской империи, действовавших во второй половине XIX века. Однако многочисленные последователи и почитатели народовольцев — как дореволюционного, так и советского периода², и сторонники идущих на крайние меры исламских радикалов отнюдь не согласятся с авторами книги в том, что таковых не следует считать мучениками. Рецензент упомянет, что члены Организации освобождения Палестины (ООП) именуются мучениками³ даже с трибуны ОИК⁴, — при этом что ни для кого не являются секретом методы деятельно-

сти членов ООП, применяемые ими в борьбе против государства Израиль. Вообще, в данном случае авторы откровенно противостоят сами себе — если исходить из предложенной ими же предпосылки о том, что мученика конструирует некая социальная группа, то, следовательно, мученику ничего не мешает быть при этом, например, террористом — при условии, что его мученичество признается таковым некоей социальной группой.

В разделе 4 («Волки в овечьей шкуре») можно указать, пожалуй, как на действительно полезное только на одно наблюдение авторов: по их мнению (вполне справедливому в данном случае), использование слова «мученик» и применительно, например, к христианским мученикам, и применительно к террористам из исламистских группировок, вносит терминологическую путаницу и как бы уравнивает всех этих «мучеников» как в кавычках, так и без кавычек. Авторы отмечают, что в русском языке найден интересный лингвистический «выход» из данной непростой ситуации — исламистские террористы-мученики именуются словом «шахиды» (р. 122–123), то есть их же собственным самоназванием из арабского языка, что позволяет провести языковую и психологическую границу между, например, православными мучениками и исламскими тер-

2. Андреева Л.А. Секулярная святость: культ революционных мучеников в Российской империи // Диалог со временем. 2018. Вып. 64. С. 278–295; Баранов А.С. Терроризм и гражданское мученичество в европейской политической культуре Нового и Новейшего времени // Общественные науки и современность. 2004. № 1. С. 77–88.
3. A/37/567. 1 November 1982. Letter dated 21 October 1982 from the Permanent Representative of the Niger to the United Nations addressed to the Secretary-General. P. 26 [https://undocs.org/en/a/37/567, accessed on 26.02.2022]; A/39/133. 19 March 1984. Letter dated 15 March 1984 from the Charge d'Affaires a.i. of the Permanent Mission of Bangladesh to the United Nations addressed to the Secretary-General. P. 36. [https://undocs.org/en/a/39/133, accessed on 26.02.2022].
4. Организация Исламская Конференция — крупнейшая международная организация, объединяющая мусульманские страны; в настоящее время носит название ОИС — Организация Исламского Сотрудничества.

рористами. Действительно, лингвистические приемы способны кардинально повлиять на значение и коннотацию слов, и пример использования слова «шахид» в русском языке применительно к исламским террористам в этом случае является вполне удачным.

Говоря о последних относительно издания книги событий, авторы в главах 12 и 14 в качестве кейсов мученичества приводят в пример героя «арабской весны» тунисца Моххамеда Буазизи, героиню иранской «зеленой революции» 2009 года Неду Ага-Солтан⁵ и «Небесную сотню», отличившуюся в украинских событиях 2014 года. Авторы особо подчеркивают, что и Неда Ага-Солтан, и Моххамед Буазизи в реальности не были мучениками (р. 135, 200), но они стали таковыми благодаря восприятию групп людей, имевших актуальную потребность в создании образов мучеников. Здесь снова можно вспомнить утверждение авторов о том, что на самом деле террористы не являются мучениками. Если исходить из авторской же концепции о том, что мученик и подвиг мученика создаются усилиями самих людей, то террористы несомненно могут являться мучениками,

поскольку в массовом сознании определенной социальной группы конструируется именно мученический образ террориста. Большой интерес представляет описание действий «Небесной сотни» и последующий анализ конструирования мученического подвига ее участников жителями Украины — пожалуй, это одна из самых выразительных глав книги.

В целом исследование может быть полезным как для понимания историко-культурного феномена мученичества, так и для понимания того, каким образом и какими способами мученичество возникает и формируется в представлениях отдельных людей и социальных групп. При этом главы книги, посвященные социальной психологии явления мученичества, нельзя назвать самыми лучшими — несмотря на то, что авторы работы являются профессиональными психологами.

Таусия Рабуш

Библиография / References

- Андреева Л. А. Секулярная святость: культ революционных мучеников в Российской империи // Диалог со временем. 2018. Вып. 64. С. 278–295.
- Баранов А. С. Терроризм и гражданское мученичество в европейской политической культуре Нового и Новейшего времени // Общественные науки и современность. 2004. № 1. С. 77–88.
5. Филлин Н. А. Образы, символы и слоганы массовых протестов «зеленого движения» в Иране (2009–2020 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: Политология, История. Международные отношения. 2015. № 1. С. 107–116.

- Филин Н.А. Образы, символы и слоганы массовых протестов «зеленого движения» в Иране (2009–2020 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: Политология, История. Международные отношения. 2015. № 1. С. 107–116.
- A/37/567. 1 November 1982. Letter dated 21 October 1982 from the Permanent Representative of the Niger to the United Nations addressed to the Secretary-General. P. 26 [<https://undocs.org/en/a/37/567>, accessed on 26.02.2022].
- A/39/133. 19 March 1984. Letter dated 15 March 1984 from the Charge d’Affaires a.i. of the Permanent Mission of Bangladesh to the United Nations addressed to the Secretary-General. P. 36 [<https://undocs.org/en/a/39/133>, accessed on 26.02.2022].
- Andreeva, L.A. (2018) “Sekuliarnaia sviatost’: kul’t revoliutsionnykh muchenikov v Rossiiskoi imperii” [Secular Sainthood: The Cult of Revolutionary Martyrs in the Russian Empire], *Dialog so vremenem* 64: 278–295.
- Baranov, A.S. (2004) “Terrorizm i grazhdanskoe muchenичество v yevropeiskoi politicheskoi kul’ture Novogo i Noveishego vremeni” [Terrorism and civil martyrdom in the European political culture of the New and Modern times], *Obshchestvennyye nauki i sovremennost’* 1: 77–88.
- Castelli, E. A. (2004) *Martyrdom and Memory: Early Christian Culture Making*. New-York: Chichester: Columbia University Press.
- Ferrero, M. (2013) “The Cult of Martyrs”, *Journal of Conflict Resolution* 5(57): 881–904.
- Filin, N.A. (2015) “Obrazy, simvol’y i slogany massovykh protestov «zelenogo dvizheniia» v Irane (2009–2020 gg.)” [Images, symbols and slogans of mass protests of the “green movement” in Iran (2009–2020)], *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiia, Istoriiia. Mezhdunarodnyye otnosheniia* 1: 107–116.
- Middleton, P. (2014) “What is martyrdom?”, *Mortality: Promoting Interdisciplinary Study of Death and Dying* 2(19): 117–133.

Медиа и Русская православная церковь

Рецензия на: Stähle, H. (2021) *Russian Church in the Digital Era*. Routledge. — 224 pp.

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-1-328-334>

Религиозный ренессанс конца 1980–1990-х годов изменил радикальным образом статус Русской

православной церкви (РПЦ): из организации, подвергавшейся репрессиям, она превратилась во влиятельный общественный институт. Новый статус привлек к ней внимание ученых. Рассматривались различные аспекты влияния церкви на публич-

Рецензия подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, в рамках проекта № 19-011-00871 «Социальные медиа как фактор трансформации православия в современной России».